

22 ИЮН 1971

И ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ

КАЖДЫЙ раз,
когда память
возвращает меня к
далеким дням вой-
ны, я почему-то
припоминаю слова
теперь уже старой и, видимо, многи-
ми забытой песни.

ПЕСНЯ

Знаю я: у окна старая мать,
Подкидая меня, будет скучать.
Ты не грусти обо мне,
Ты не горюй обо мне,
Я вернусь домой, сын твой родной...

Говорят, что она из фильма, но я впервые услышал эти слова на фронте, от своего друга — Сережи Крутилина. Времени свободного выпадало немного, но хорошо помню: каждый раз, когда наступало затишье и мы, грязные и усталые, устраивались на нарах свежевырытой землянки, Сережа вполголоса запевал полюбившуюся песню. Он пел, а потом долго сидел, склонившись над листком бумаги, и аккуратным, как на уроке чистописания, почерком выводил письмо в далекий городок Белебей, своей маме — Крутилиной Татьяне Герасимовне...

Мы с Сергеем немало прошли по фронтовым дорогам, ели из одного котелка, лежали в одном госпитале. Однажды, в разоренной фашистами деревушке на Брянщине, в покинутом жильцами доме, где останавливались на постой, мы обнаружили старенький томик стихов Сергея Есенина.

Если помните: до войны Есенина почти не изучали. И мы, довоенные школяры, были буквально потрясены, когда впервые прочитали «Клен ты мой опавший...»

Впрочем, война есть война: пели и читали мы довольно редко. Мы были

солдатами пехоты и главное, что делали тогда, это ходили в атаку да старались, чтобы каждая пуля достигла своей цели. Не все из нас дошло до победы. Многие мои боевые товарищи так и не сумели подняться в последнюю атаку. Где-то потерялся и след Сережи Крутилина... Вернулся ли он после войны? Довелось ли ему после долгих лет разлуки ступить на порог родного дома?

Я и по сей день вижу его усталое лицо, помню слова его песни.

Помню я и веселого ярославского паренька Ваню Червонцева. Рассказчик был — далеко не в каждом взводе и даже не в каждой роте другого такого сыщешь! Весь взвод наш за смертью грохался на землю, надорвав от хохо-

та животы, когда Червонцев со свойственным ему простодушным юмором начинал рассказывать какой-нибудь эпизод из жизни. Служил Ваня в нашем полку поваром. К нему, бывало, тянулись солдаты не столько, чтобы как следует подзаправиться, сколько затем, чтобы уже, наверное, в сотый раз послушать историю о том, как Червонцев ходил на «фердинанда»...

Дело было на Украине. «Фердинанд», лязгая гусеницами, пер на Червонцева, а Червонцев со связкой гранат — баш на баш — полз на «фердинанда». До самоходного орудия оставалось совсем уже немного. Тут-то, по словам Червонцева, и началось...

— «Фердинанд»-то ка-а-ак плюнет! Я со страху — лицом в землю... Зарылся! Лежу — не дышу. — Конец, думаю, — продолжал Червонцев. — И тоска берет: а вдруг сдуру-то по мне шарахнет? Про себя костерю этого «фердинанда» и в бога, и в звезды... Ловким движением пальцев Червон-

цев сворачивал из клочка газеты очередную самокрутку. Потом, прищурив один глаз, он сладко затыгивался махорочным дымом и продолжал:

— Только, доложу я вам, братцы, долго лежать на одном месте пехоте противопоказано. Вредно для здоровья! Помаленьку начинаю приподнимать голову, осматриваюсь. Критическим своим оком стараюсь оценить обстановку. Вижу — недолет: снаряд плюхнулся впереди меня, за бугром. Теперь мое дело — ползти дальше. Ползу... А душа у самого — из пяткок норовит выскочить: шутка ли — до «фердинанда» рукой подать.

Так уж в его рассказах всегда получалось: все выходило, что его и били, и гусеницами давили, и дух из него выпускали. Неудачник — и только! Но мы-то хорошо знали, каков он, Червонцев. Не зря на гимнастерке носил наш товарищ орден Красного Знамени.

Служил с нами еще один балагур — щупленький, невысокий солдатик. Мы его звали «кученым». А он, как специально, говорил не так, как все, но как ни старался, а состязаться с Червонцевым так и не мог. Иван был большим мастером розыгрыша, шутил умно, беззлобно. Присядем после боя где-нибудь под сосной — настроение скверное. И вдруг минут через пять на лицах моих друзей — улыбка. Это начал балагурить наш кашевар. Тот, кто был на фронте, хорошо знает, какую силу и бодрость вселяет в солдатскую душу шутка. С ней и воевать веселей!

И еще одного солдата часто вспоминаю я — Алексея Фатьянова. С ним мы познакомились уже в самом конце зи-

мы сорок пятого года, в безопасном артиллерийском полку, где мы, вчерашние пехотинцы, проходили переподготовку перед отправкой на Дальний Восток.

Почти всегда молчаливый, даже застенчивый Фатьянов ничем среди других солдат и не выделялся, разве что был чуть порослее да шинель сидела на нем ладно. Он был уже тогда знаменит. На стихи, которые слагал наш Алексей, музыку писал композитор Соловьев-Седой. Признаюсь: странно было тогда мне видеть, что автор широко известных песен — «На солнечной поляночке», «Соловьи, соловьи...» носит такие же погоны, как и мы, — рядового.

Мне стало грустно, когда несколько лет назад я узнал о том, что Алексей Фатьянов умер. Вдвое грустнее от того, что был он не только любимым моим поэтом-песенником, но и человеком, с которым я служил в одной части...

Одно утешает: песням, написанным Фатьяновым, жить и жить. Они и сегодня звучат по всей стране, как звучали много лет назад, когда их автор был солдатом. Хорошие песни — те же солдатские штыки: с годами они не ржавеют. Вот как и эта песня, которую пел мой друг Сережа Крутилин:

Снег густой — пеленой. Ночь темна...

Я помню тебя, Сергей! Все люди помнят вас, дорогие мои друзья-товарищи!

Петр ЛЮБОМИРОВ.
ИЖЕВСК.